

ский анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / С. Н. Дигин. – Екатеринбург, 2009. – 18 с.

5. Никитенко, П. Д. Динамика представлений о военной службе и самоактуализация курсантов военного вуза / П. Д. Никитенко // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова: Акмеология образования. – 2007. – Т. 13. – № 3. – С. 85–88.

6. Терехин, Р. А. Динамика готовности военнотружущих к изменениям служебных ситуаций на этапах военно-профессиональной социализации // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 2(66). – С. 269–277.

7. Сысолятин, М. В. Соотношение военной идентичности и представлений о военной карьере у курсантов военного вуза // Мир образования – образование в мире. – 2018. – № 3(71). – С. 257–268.

8. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса. Психологическая антропология

стресса / Л. А. Китаев-Смык. – Москва: Академический проект, 2009. – 943 с.

9. Дубяга, В. Ф. Формирование психологической готовности воина оперативных частей внутренних войск МВД России к деятельности по охране общественного порядка: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / В. Ф. Дубяга. – Москва, 1998. – 251 с.

10. Маклаков, А. Г. Психология и педагогика. Военная психология / под редакцией А. Г. Маклакова. – Санкт-Петербургский: Питер, 2007. – 464 с.

11. Евенко, С. Л. Типология проходящих военную службу по призыву военнотружущих, совершивших отклонения в поведении // Вестник Академии военных наук. – 2006. – № 1(14). – С. 138–140.

12. Евенко, С. Л. Факторы социализации студентов российских вузов // Вестник университета. – 2015. – № 12. – С. 322–325.

УДК 93/94

А. Т. ТАШПЕКОВА

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов

СОЗДАНИЕ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАТАЛЬОНА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье раскрывается история возникновения и повседневная деятельность Саратовского внутреннего гарнизонного батальона в 1811–1864 годы в составе внутренней стражи, а затем Отдельного корпуса внутренней стражи.

Ключевые слова: внутренняя стража, батальон, Саратовская губерния, инвалидные команды, рядовые.

A. T. TASHPEKOVA

Saratov military order of Zhukov red banner Institute of the national guard of the Russian Federation, Saratov

CREATION AND DAILY ACTIVITIES OF THE INTERNAL GUARD BATTALION IN THE SARATOV PROVINCE

Abstract. The article reveals the history and daily activities of the Saratov internal garrison battalion in 1811–1864 as part of the internal guard, and then a Separate internal guard corps.

Keywords: internal guards, battalion, Saratov province, disabled teams, privates.

Одним из элементов охранительной системы Российской империи в начале XIX века, обеспечивающих внутреннюю безопасность государства была, внутренняя стража. Основные причины ее создания были обусловлены необходимостью пополнения полевой армии, обеспечения внутреннего порядка в губерниях, препровождения рекрутов и др. Внутренняя стража в Российской империи была создана в 1811 году на основе существовавших ранее гарнизонных батальонов. В «Положении для внутренней стражи» от 3 июля 1811 года отмечались особенности нового органа, призванного выполнять не только воинские обязанности, но и обязанности по охране и восстановлению внутреннего порядка. Структурное оформление нового охранительного органа заняло два этапа: на первом – в состав внутренней стражи вошли губернские батальоны и команды служащих инвалидов; на втором в 1817 году – были присоединены жандармские команды. 30 марта 1816 года был издан указ о переименовании внутренней стражи в Отдельный корпус внутренней стражи (ОКВС) [1, с. 51, 92, 101].

В рамках данного исследования попытаемся восстановить историю возникновения и функционирования внутренней стражи в Саратовской губернии, состоящей из гарнизонного батальона и уездных инвалидных команд. Новая структура получила название – Саратовский внутренний гарнизонный батальон, в архивных документах также встречается сокращенные названия – Саратовский батальон, внутренняя стража Саратовской губернии. Поскольку история создания и функционирования жандармских подразделений в составе внутренней стражи в губернии заслуживает отдельного исследования, в настоящей работе эти вопросы не рассматриваются. Обозначенные временные рамки – 1811 – начало 1860-х годов – обусловлены деятельностью батальона в составе Отдельного корпуса внутренней стражи, упраздненного в 1864 году.

Ценнейшими источниками для исследования явились документы Государственного архива Саратовской области, сборник документов по истории внутренней и конвойной стражи, военно-статистические обозрения Российской империи, изданные в 1850-х годах.

Саратовская губерния в начале XIX века имела обширные территории (около 18 миллионов десятин), на которых преимущественно проживало сельское население. Здесь насчитывалось 10 городов, 484 села и около 1 120 деревень. Губерния представляла интерес для Военного министерства, так как обладала резервом для размещения пехотного корпуса и снабжения его необходимым провиантом. Общественно-политическая обстановка характеризовалась нестабильностью, вызванной отчасти наличием большой доли переселенцев и беглых крестьян. Неслучайно Саратовская губерния оказалась в числе тех губерний, где была сформирована внутренняя стража.

3 июля 1811 года император Александр I утвердил Расписание передислокации воинских подразделений, в соответствии с которым «четвертая гарнизонная рота, руководимая подполковником М. В. Данкеевым, из крепости Святого Дмитрия прибыла в город Саратов» [2, с. 83]. Воинское формирование в статусе полубатальона с 3 июля 1811 года в соответствии с «Расписанием губернских батальонов, разделенных на бригады и округа» стало относиться ко 2-й бригаде 8-го округа внутренней стражи [1, с. 69]. В конце декабря 1811 года полубатальон был переименован в батальон.

20 февраля 1818 года в связи с созданием Отдельного корпуса внутренней стражи было утверждено новое Расписание, согласно которому образовались 12 военных округов. Саратовский внутренний гарнизонный батальон вместе с Пензенским составили 2-ю бригаду в 9-м округе, возглавляемую окружным генерал-майором князем Н. Ю. Урусовым. Всего в округе находились 3 бригады, включавшие Нижегородский, Сим-

бирский батальоны и Казанский полк. 27 сентября 1829 года вышел указ Николая I о введении нового Расписания Отдельного корпуса внутренней стражи, в соответствии с которым Саратовский батальон стал относиться к 5 округу Отдельного корпуса внутренней стражи (ОКВС) [1, с. 116, 138]. В течение 1811–1829 годов шел процесс организационного становления новой силовой структуры, в задачи которой входили военные и правоохранительные вопросы. С 1862 года инвалидные команды стали именоваться командами внутренней стражи.

Саратовский внутренний гарнизонный батальон включал четыре роты. Личный состав состоял из 2-х штаб-офицеров (в 1-й и 4-й ротах), 16-ти обер-офицеров (4 – в 1-й, 5 – во 2-й, 3 – в 3-й, 4 – в 4-й ротах) и 73-х унтер-офицеров (по 19 в 1-й и 2-й ротах, 17 – в 3-й роте и 18 – в 4-й роте). В их подчинении находились 29 нестроевых и 673 рядовых. Кроме того, согласно установленному штату в батальоне было 15 музыкантов (барабанщиков и горнистов) [3, с. 203]. Их наличие являлось еще одним свидетельством военной организации внутренней стражи. В Указе императора Николая I от 9 марта 1853 года отмечалось, что музыканты были необходимы для обучения нижних чинов рассыпному строю [1, с. 234]. Рассыпным назвался строй, при котором военнослужащие находились на определенном расстоянии друг от друга, образуя стрелковую цепь. Считалось, что такой строй не только более удобен для ведения стрельбы, но и снижает потери от огня. Строевая подготовка более эффективно проходила в сопровождении барабанщиков, которые, отбивая дробь, передавали команды командиров.

Возглавлял Саратовский батальон подполковник М. С. Данкеев, позднее его сменил майор И. Г. Сыроболярский. В структуре батальона внутренней стражи находились 11 инвалидных команд: Саратовская, Царицынская, Камышинская, Балашовская, Аткарская, Петровская, Кузнецкая, Вольская, Хвалын-

ская, Сердобская и Камышинская соляная инвалидная команда (названия населенных пунктов соответствуют современным названиям) (табл. 1).

Саратовская инвалидная команда вошла в состав батальона 25 октября 1816 года, известно также, что Камышинская соляная инвалидная команда была приписана к Саратовскому батальону 18 августа 1818 года.

Личный состав инвалидных команд включал 1 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 813 унтер-офицеров, 9 музыкантов, 1 490 рядовых и 20 нестроевых солдат. В составе Саратовской инвалидной команды, командиром которой был майор Г. И. Михайлевский, находились: 1 старший унтер-офицер – Г. В. Панкратов, унтер-офицеры – Я. И. Иванов, И. М. Миранков, А. С. Степанов, М. Д. Дмитров, 1 музыкант, 96 рядовых и 2 нестроевых солдат [3, с. 203].

В архиве имеется любопытный документ – «Формулярный список Сердобской инвалидной команды», – свидетельствующий о происхождении, месте рождения, возрасте, семейном положении и фиксирующий изменения в положении рядового состава. Так, в инвалидной команде в 1846 году значился один унтер-офицер И. И. Фарафонт, 28 лет, из незаконнорожденных солдатских детей, выходец из села Аратовка Аткарского уезда Саратовской губернии, холост. Рядовыми служили: С. С. Трифон, 36 лет, из незаконнорожденных солдатских детей, выходец из деревни Масановка Кирсановского уезда Тамбовской губернии, холост; Т. Т. Иванов, 27 лет, из незаконнорожденных солдатских детей, выходец из села Подовск Балашовского уезда Саратовской губернии, холост; И. И. Михей, 29 лет, рекрут, выходец из Малмыжского уезда Вятской губернии, холост; С. С. Кондратьев, 36 лет, из дворовых людей, выходец из Симбирской губернии, холост; К. М. Зелик, 24 года, выходец из Люблинского уезда Волынской губернии, холост; Х. Л. Израиль, 20 лет, выходец из села Корсухино Житомирской губернии, холост и др. [4].

Как видим качественный состав Сердобской инвалидной команды был нетипичным. Во-первых, средний возраст составлял всего 28,5 лет, что соответствовало возрастному составу рядовых в войсках, в инвалидные команды, как правило, попадали отставные военнослужащие, т. е. более возрастные категории. Во-вторых, по семейному положению они были холостыми. Однако известно, что крестьяне, составлявшие большинство рядового состава, практиковали ранние браки. В связи с чем предположение о том, что количество женатых и неженатых нижних чинов в армии могло быть сходным, является вполне реальным. Сведения о семейном положении рядовых Саратовской инвалидной команды в архиве не сохранились. В то же время имеется информация по унтер-офицерам – все они явля-

лись женатыми. У двоих из них были дети. Начальник инвалидной команды майор Г. И. Михайлевский был также женат, имел сына и дочь [5].

Основная часть рядовых Сердобской инвалидной команды прибыла из других губерний Российской империи. Преимущественное происхождение нижних чинов из незаконнорожденных солдатских детей обусловлено тем, что при рождении женой рекрута они причислялись к солдатскому сословию и подлежали призыву на военную службу.

Большая часть рядового состава Сердобской инвалидной команды относилась к православным верующим, лишь незначительное число составляли представители других верований (римско-католического, евангелическо-лютеранского и иудейского). Отметим, что в целом в Саратовском батальоне по своей

Таблица 1 – Численный состав Саратовского внутреннего гарнизонного батальонах

Наименование	Штаб-офицер, чел.	Обер-офицер, чел.	Унтер-офицер, чел.	Музыканты, чел.	Рядовые, чел.	Нестроевые, чел.
Внутренний гарнизонный батальон	2	16	73	15	673	29
Камышинская соляная инвалидная команда		2	4		50	
Саратовская инвалидная команда	1		6	1	96	2
Царицынская инвалидная команда		1	11	1	156	2
Камышинская инвалидная команда			17	1	228	2
Балашовская инвалидная команда		1	8	1	126	2
Аткарская инвалидная команда		1	9	1	137	2
Петровская инвалидная команда		1	11	1	143	2
Кузнецкая инвалидная команда		1	10	1	120	2
Вольская инвалидная команда		1	15	1	181	2
Хвалынская инвалидная команда		1	12		159	2
Сердобская инвалидная команда		1	10	1	94	2
Итого:	3	26	186	24	2 163	49

конфессиональной принадлежности абсолютное большинство также составляли православные христиане.

Рассмотрим еще одно документальное свидетельство, характеризующее состав Сердобской инвалидной команды. В нем говорится об обстоятельствах разжалования С. С. Кондратьева из унтер-офицера в рядовые. Основной причиной послужило учиненное им пьянство. Проступок унтер-офицера оказался столь серьезным, что во внимание не были приняты его прежние заслуги. С. С. Кондратьев в составе 22 Егерского полка участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, был награжден серебряной медалью «За турецкую войну». Кроме того, он удостоился польского знака «За военное достоинство» 5-й степени [4]. Эта награда представляла собой серебряный крест, им награждали строевых нижних чинов, участвовавших в подавлении польского восстания в 1830 году. Следует отметить, что пьянство являлось наиболее распространенной причиной неправомерного поведения не только рядовых, но и офицерского состава. Данный пример иллюстрирует достаточно стандартные последствия такого проступка.

Что же касается количественного состава Саратовского батальона – в 1852 году составил 2 451 человек, он незначительно отличался от аналогичных подразделений в других губерниях Нижнего Поволжья [3, с. 203]. К примеру, в Самарской бригаде насчитывалось 2 377 человек [6, с. 174], в Симбирской – 2 976 человек [7, с. 143].

Саратовский внутренний гарнизонный батальон ввиду отсутствия казарм размещался в приспособленных каменных помещениях города, уездные инвалидные команды – в арендованных квартирах. Следует отметить, что вопрос с казармами для военнослужащих оставался проблемным в течение многих лет. Впервые этот вопрос обсуждался жителями Саратова еще в 1805 году, было принято решение о сборе средств и собрана значительная сумма [8, с. 171]. Все же вопрос о строительстве казарм в

силу ряда обстоятельств не был решен. Актуальность проблемы стеснения горожан города Саратова военными постоями подтверждается указом Николая I, изданным в 1828 году. В нем говорилось о постройке каменных казарм для внутреннего гарнизонного батальона «за счет процентов, принадлежавших сему городу от капитала, вырученного за продажу саратовских городских земель, с пополнением недостающей на то суммы сбором на сей предмет, согласно желанию обывателей города Саратова, по 10 рублей с каждого покая в домах их, составляющим по сделанному расчету 124 126 рублей 15 копеек» [1, с. 134–135]. Между тем собранные с горожан денежные средства по распоряжению губернатора А. Д. Панчулидзева были потрачены на другие цели, из-за которых его уволили с должности.

Решить проблему размещения войск были призваны принятые 13 июля 1851 года «Правила нового устройства земских повинностей», в них было определено, что к земским повинностям относится «устройство и содержание помещений для гарнизонных батальонов, инвалидных команд Корпуса внутренней стражи ... устройство и ремонт гауптвахт, платформ, шлагбаумов и караулен по разным постам ...» [1, с. 226].

Между тем, по сведениям подполковника К. В. Безносилова, составившего обзор военно-статистических данных по Саратовской губернии, в 1853 году батальон располагался в «нанятых удобных каменных домах, въ видъ казармъ, по случаю невыстроения таковыхъ отъ казны» [3, с. 203]. Таким образом, идея с построением казармы для внутренней стражи в городе Саратове так и не была реализована. Новые казармы для батальона были построены лишь в 1856 году, по проекту в них могли разместиться 2 073 человека [8, с. 179]. Вот как описывает казармы саратовский историк И. Н. Плешаков: «казармы батальона представляли собой три обширных каменных строения, с толстыми стенами и железной кровлей.

Снаружи и внутри здания были оштукатурены, окна нижних этажей имели железные ставни» [8, с. 180]. В одном из корпусов размещались Саратовская инвалидная команда и женатые нижние чины батальона. В центральном корпусе находились военное руководство батальона и ротные помещения. Офицерский состав размещался в отдельном корпусе. Также имелись постройки, в которых проводили обучение солдат в холодное время (экзерцгауз) (рис. 1).

Отметим интересный факт – здания казарм, пройдя вековые испытания, сегодня используются учебным и медицинским учреждениями и располагаются напротив учебного корпуса Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, являющегося историческим приемником внутренней стражи.

Среди губерний Нижнего Поволжья проблемы с казармами испытывали также в Симбирском, Казанском и Самарском батальонах, размещавшихся по этой причине в нанятых квартирными комиссиями обывательских домах и квартирах. В работе исследователя

С. М. Штутман приводятся результаты осмотра батальонов и команд командиром Отдельного корпуса внутренней стражи генерал-лейтенантом Н. И. Гартунгом, по оценке которого наиболее неблагоприятным было размещение личного состава в «Ярославской, Вятской, Пермской, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях» [11, с. 204]. Основная причина отсутствия казарм заключалась в недостаточном финансировании, сложности при согласовании сметы земских повинностей и т. д.

Рассмотрим обязанности, возложенные на офицерский состав и нижние чины Саратовского батальона, выполняемые в повседневной деятельности. К ним относились военные и правоохранительные задачи – по требованию местного начальства принимали участие в обеспечении внутреннего порядка в губернии.

Повседневная служба в батальоне состояла из несения караульной службы. Так, по городу Саратову ежедневно назначались два офицерских караула: внутри города на гауптвахту (один обер-офицер, два унтер-офицера, один музыкант, пятнадцать рядовых) и в тюремный

Рисунок 1 – Казармы внутренней стражи в г. Саратове

городской замок (один обер-офицер, пять унтер-офицеров, один музыкант и шестьдесят шесть рядовых); и один унтер-офицерский караул в казарму арестантской роты гражданского ведомства (один унтер-офицер, пятнадцать рядовых). Кроме того, организовывались наряды в больницу, батальонную канцелярию, военный суд, пороховые погреба и др. [3, с. 208]. Военнослужащие также конвоировали арестантов, дезертиров, препровождали рекрутов по Саратовской губернии и за ее пределами, участвовали в поимке воров, беглых преступников, оказывали содействие по сбору податей и недоимок, при пожарах и др.

В уездных городах губернии также организовывалась караульная служба, но в отличие от города Саратова она представляла собой унтер-офицерские и ефрейторские караулы. К примеру, в городе Царицын назначался караул в тюремный городской острог и полицию. В городе Камышин три унтер-офицерских караула осуществляли охрану гауптвахты, тюремного городского острога и тюремного замка для пересыльных, а ефрейторский караул – охрану соленых оптовых амбаров, цейхгауза (склада, помещений, в которых хранилось обмундирование), склада с порохом и складов казенного вина. Кроме того, в городах Аткарск, Петровск, Кузнецк, Вольск и Хвалынский ефрейторские караулы, в составе которых находились один ефрейтор и от трех до шести рядовых, назначались для охраны кладовой при уездном казначействе и провиантских магазинов [3, с. 208–209].

Помимо этих обязанностей нижние чины Саратовского батальона привлекались к различным так называемым вольным работам: заготовке дров, сена, строительным работам и др. Реже – к ремесленным работам в силу того, что количество мастеровых среди рядового состава было незначительным. Об этом свидетельствует архивный документ «Ведомость, показывающая сколько в Саратовской инвалидной команде знающих разные мастерства». Так, в Ведомости за 1855 год среди рядового состава были отмечены всего 5 портных, 14 сапожников, 1 плотник, 1 печник, 2 штукатура [9].

В фонде 1099 Государственного архива Саратовской области хранится распоряжение командира батальона подполковника Панчунова, в котором говорится о заработанных личным составом средствах, выдаче 2/3 части суммы нижним чинам, принимавшим участие в работах и оприходовании 1/3 заработанных средств батальоном [10] (табл. 2).

Практика использования нижних чинов на вольных работах, но «не тяжелых и вредных для здоровья» с целью «усиления экономической сметной суммы» получила распространение в войсках, когда командующим ОКВС был назначен генерал-лейтенант А. Л. Тришатный. Исследователь С. М. Штутман приводит сведения об участии солдат Херсонского батальона на вольных работах. Из заработанных и сэкономленных средств нижними чинами в размере 6 737 рублей 60 3/4 копеек, часть – 1 557 рублей 48 копеек – была выдана

Таблица 2 – Распоряжение командира батальона подполковника Панчунова о распределении средств, заработанных личным составом

Роты	Всего заработали		Выдать бывшим на работах нижним чинам		Записать на приход в экономическую сумму	
	рублей	копеек	рублей	копеек	рублей	копеек
1	2	3	4	5	6	7
1 рота	40	35 1/2				
2 рота	45	72	30	48	15	24
3 рота	29	74 3/4	19	83 1/4	9	91 1/2
4 рота	34	4	22	94	11	47

солдатам, оставшиеся деньги – 5 180 рублей 12 3/4 копеек – были определены в солдатскую артель для улучшения пищи [11, с. 176]. Заметим, что солдатская артель являлась примером самоорганизации нижних чинов, занимавшихся самообеспечением. Здесь они становились пекарями, сапожниками, плотниками, мясниками и т. д. Находясь в условиях армейской жизни, солдатская артель выполняла экономические функции, снижала остроту бытовых проблем.

Работа солдат «в свободное от службы время» поощрялась военным руководством и пропагандировалась как желательное, поскольку она позволяла снизить остроту ряда проблем обеспечения личного состава. Подтверждением является приказ № 115 от 15 августа 1836 года об объявлении благодарности командиру Санкт-Петербургского батальона подполковнику А. И. Зейфурту. Силами его подчиненных на вольных работах было заработано 10 917 рублей 73 копейки, из них 4 514 рублей были направлены в солдатскую артель, а оставшаяся сумма была распределена между нижними чинами, принимавшими участие в работах [1, с. 181].

Аналогичный поощрительный приказ по Отдельному корпусу внутренней стражи № 170 от 10 ноября 1837 года был издан по поводу успешной хозяйственной деятельности командира Московского внутреннего гарнизонного батальона подполковника Гриббе, солдаты которого заработали 9 047 рублей 5 копеек, из них 3 071 рубль 28 копеек было выданы работавшим нижним чинам, 5 975 рублей 77 копеек определены в солдатскую артель «для улучшения пищи» [1, с. 182].

В обязанности начальника инвалидной команды входило ведение журнала входящих и исходящих бумаг и ведомостей о личном составе команды. Эти документы позволяют раскрыть не только повседневную деятельность организации, но и выявить основные направления взаимодействий. Так, сообщения командира Саратовской инвалидной команды майора Г. И. Михайлевского свидетель-

ствуют об активных взаимоотношениях, сложившихся с Комиссией военного суда, начальниками Кузнецкой и Сердобской уездных инвалидных команд Саратовской губернии, с Саратовской провиантской комиссией, Казанской комиссариатской комиссией и др.

Одна из задач внутренней стражи состояла в «охранении либо восстановлении внутреннего порядка». В архивных документах прямых упоминаний об использовании Саратовского батальона в подавлении восстаний в губернии либо за ее пределами мы не обнаружили, но такая возможность была очевидной. В Саратовской губернии в 1850-е годы участились антикрепостнические крестьянские выступления, «питейные бунты» и др. Приказ ОКВС № 196 от 30 октября 1852 года явствует об участии батальона в усмирении волнений в Саратовском уезде Мариинской волости. В приказе подчеркивается, что цель была достигнута мирным путем, штабс-капитанам Онякову и Павлову удалось убедить толпу подчиниться закону путем уговоров [11, с. 203].

В период 1861–1863 годов в Саратовской губернии произошло около 150 крестьянских выступлений – в Камышинском, Аткарском, Вольском и др. уездах, против которых в 62 случаях были использованы военные силы. Были ли это силы Саратовского батальона? Предполагаем, что такое участие могло быть возможным, поскольку одна из задач внутренней стражи заключалась в «усмирении неповиновений и буйства» по требованию местного начальства. Косвенным аргументом может быть утверждение авторов «Очерка истории Саратовского Поволжья» о том, что «внутренняя стража использовалась для подавления любых проявлений неповиновения властям...» [12, с. 211]. Между тем заметим, что для поддержания общественного порядка накануне обнародования Манифеста об отмене крепостного права на территории Саратовской губернии разместили дополнительно 45 стрелковых рот. По всей видимости Саратовский батальон был не единствен-

ной силовой структурой, привлекаемой для наведения общественного порядка в губернии. Для этих случаев в распоряжении власти находились также жандармерия и полиция.

В сентябре 1861 года было издано «Наставление военным начальникам в случаях употребления войск для усмирения народных волнений и беспорядков». В нем говорилось, что «начальники воинских команд могут употребить силу оружия ... в следующих двух случаях: а) когда возмутившиеся сами нападут на войска и б) когда представится безотлагательная необходимость спасти жизнь лиц, подвергающимся насильственным действиям со стороны возмутившихся». Были прописаны действия военнослужащих, находящихся в карауле и патруле. В частности, они могли применить оружие для отражения нападения, преодоления сопротивления при исполнении обязанностей, угрозы нападения, при попытке захватить оружие, защите охраняемых лиц и имущества и др. [13]. Появление этого документа свидетельствует о намерении власти для усмирения крестьянских волнений применять вместе с полицией, жандармерией также и внутреннюю стражу.

Итак, созданный в 1811 году Саратовский батальон внутренней стражи, функционировавший в составе Отдельного корпуса внутренней стражи до 1864 года, являясь важной частью охранительной системы Российской империи, сыграл заметную роль в обеспечении внутренней безопасности на территории Саратовской губернии. Несмотря на некоторые особенности он имел типичную для большинства аналогичных батальонов внутренней стражи структуру и состав. Повседневная деятельность Саратовского батальона формировалась в соответствии с положениями и указами, изданными военным руководством Отдельного корпуса внутренней стражи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Документы и матери-

алы / под общей редакцией В. Ф. Некрасова. – Москва, 2002. – 576 с.

2. Ташпекова, А. Т. Деятельность Саратовского батальона внутренней стражи в 1811–1816 годах / А. Т. Ташпекова // Актуальные проблемы военных и социальных наук: межвузовская научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения первого командира Отдельного корпуса Внутренней стражи генерала от инфантерии Е. Ф. Комаровского. – Саратов, 2019. – С. 83–86.

3. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. – Санкт-Петербург: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848–1858. – Загл. Т. 16. Ч. 5. Статистические описания губерний и областей Российской империи, по высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. Т. 5. Ч. 4: Саратовская губерния [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Безносиков], 1852. – 254 с.

4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 1099. – Оп. 1. – Д. 3. – С. 52–64.

5. ГАСО. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Д. 2. – С. 4.

6. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. – Санкт-Петербург: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848–1858. – Загл. Т. 16. Ч. 5. Статистические описания губерний и областей Российской империи, по высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. Т. 5. Ч. 3: Самарская губерния [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Безносиков], 1853. – 221 с.

7. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального

штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. Санкт-Петербург: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1848–1858. – Загл. Т. 16. Ч. 5. Статистические описания губерний и областей Российской империи, по высочайшему повелению издаваемые Департаментом Генерального штаба Военного министерства. Т. 5. Ч. 2: Симбирская губерния [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Буйвид], 1853. – 224 с.

8. Плешаков, И. Н. Из истории военного постоа в России: «старые казармы» в Саратове / И. Н. Плешаков // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Вып. 8. – Саратов, 2008. – С.160–183.

9. ГАСО. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Д. 4. – С. 2.

10. ГАСО. – Ф. 1099. – Оп. 1. – Д. 11. – С. 4–5.

11. Штутман, С. М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.) / С. М. Штутман; под общей редакцией С. Ф. Кавуна. – Москва, 2000. – 360 с.

12. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права / под редакцией И. В. Пороха. – Саратов, 1993. – 272 с.

13. О наставлении военным начальникам в случаях употребления войск для усмирения народных волнений и беспорядков: Высочайше утвержденное 4 сентября 1861 г. положение Комитета Министров // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 36. – 1861. – Отд. 2. – № 37389.

УДК 340.132.6

Д. С. ЧУКИН

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов

УСМОТРЕНИЕ В ПРАВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Аннотация. В статье исследуются субстанционные признаки категории «усмотрение» через призму философии, социологии и общей теории права. Делается вывод о том, что предоставление субъекту правоприменения относительной свободы выбора, при котором он принимает решение, исходя из своего внутреннего убеждения, должно в первую очередь исходить из концепции блага, лежащей в основе всей жизнедеятельности человека. Избегание справедливости как цели права и замена её законностью, хотя и облегчает применение права в краткосрочной перспективе, но не может решить конечную цель права – обеспечение справедливости.

Ключевые слова: правовые нормы, применение права, усмотрение, законность, справедливость.

D. S. CHUKIN

Saratov military order of Zhukov red banner Institute
of the national guard of the Russian Federation, Saratov

THE DISCRETION IN THE LAW: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Abstract. The article examines the substantive features of the category of discretion through the prism of philosophy, sociology and General theory of law. It is concluded that granting the subject of law enforcement relative freedom of choice, in which he makes a decision based on his inner conviction, should first of all proceed from the concept of good, which is the basis of all human life. Avoiding justice as the goal of law and replacing it with legality, although it facilitates the application of law in the short term, cannot solve the ultimate goal of law - ensuring justice.